

УДК 808.2(035.5)

Серебренникова Н.Г.

*Тамбовский государственный технический университет
392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106, Российская Федерация*

ЗНАЧЕНИЕ СУБСТАНТИВНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА (НА ПРИМЕРЕ ОТРЫВКА ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ К. БАЛЬМОНТА «ЛЕС»)

Аннотация. Анализируется значение субстантивных форм глагола, используемых в отрывке стихотворения К. Бальмонта «Лес». Доказывается семантическая близость субстантивных форм глагола и личных глагольных форм. Мимикрические формы глагола не выражают значение предметности или значение определенногo действия. Субстантивные формы часто имеют то же лексическое значение, что и соответствующие глаголы. Некоторые мимикрические формы глагола, несмотря на то, что имеют форму существительного, выражают процессуальную семантику. Художественная выразительность в данном произведении достигается за счёт использования глагола как наиболее информационной части речи.

Ключевые слова: глагол, субстантивные формы глагола, мимикрические формы глагола, лексическое значение, контекст.

N. Serebrennikova

*Tambov State Technical University
392000, Tambov, Sovetskaya str., 106, Russian Federation*

THE NOTION OF THE SUBSTANTIVE FORMS OF THE VERB (ON THE EXAMPLE OF THE EXTRACT FROM K. BALMONT'S POEM «FOREST»)

Abstract. The article examines the importance of the substantive forms of the verb used in the extract from K. Balmont's poem «Forest». The semantic proximity of the substantive forms of the verb and personal verbal forms is proved. Mimicries of verb forms do not express the notion of objectivity, or the notion of the objectified action. The substantive forms often have the same lexical meaning as the corresponding verbs. Some mimicries of verb forms, despite having the form of a noun, express the procedural semantics. Artistic expression in this extract is achieved through the use of a verb as the most informational part of speech.

Key words: verb, the substantive form of the verb, mimicries of verb forms, lexical meaning, context.

Стихотворение К. Бальмонта «Лес» – небольшое произведение, отличающееся необыкновенной экспрессией и поэтической образностью. Однако интересно, что образность эта достигается не за счёт использования изобразительно-выразительных средств, например, эпитетов, столь любимых К. Бальмонтом, стихотворения которого часто перегружены определениями. В данном произведении не употреблено ни одного эпитета (есть лишь несколько прилагательных) и ни одной метафоры. Как же в таком случае достигается художественная образность? За счёт глаголов и форм, которые являются мимикрическими формами глагола.

Что касается используемых терминов, то мы в своём исследовании опираемся на динамическую теорию частей речи [8], согласно которой «значение той или иной части речи носит абстрагированный лексический характер, но при этом частеречная лексическая семантика оформлена грамматически» [14, с. 117]. Целью нашей работы является анализ значений глаголов и субстантивных форм глаголов, используемых в стихотворении К. Бальмонта «Лес». Методом исследования можно назвать приём трансформации предложения, состоящий в том, что субстантивная форма глагола заменяется соответствующим глаголом. Нам представляется интересным рассмотреть то, как частеречная модель действует непосредственно в языке, живом поэтическом слове, так как художественные произведения во многом являются образцом того, как слово реализует свои значения непосредственно в тексте. По этому поводу В.Г. Руделёв, О.А. Руделёва и А.Л. Шарандин пишут: «Приходится отмечать, что поэтические тексты выдающихся мастеров почти всегда отражают некую абстрактную грамматическую модель языка, в несколько раз более совершенную, чем те модели, которые представлены в современных грамматиках – как школьных, так и более высокого ранга» [12, с. 94, 95].

Рассматриваемый нами текст почти полностью построен на глагольном материале, и даже в тех случаях, когда кажется, что автор использует субстантивы, их внутренняя форма оказывается глагольной. Эти мимикрические глагольные формы также, как и личные формы глагола, способны нарисовать экспрессивную, процессуальную картину, которая создается при чтении стихотворения К. Бальмонта. Представляет интерес в этом плане вторая часть:

Гулко в зелёном лесу откликается,
В чащах темнеет, покуда смеркается,
Смотрит в сплетённых кустах.
Прячется, кажется, смутным видением
Где-то там, с шёпотом, с хохотом, с пением,
С шорохом быстрым возникнет в листьях.

Лапчатой елью от взора укроется,
Встанет, и в росте внезапно удвоится,
Вспрыгнет, и с треском обломится сук.
Вырос, с вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многих деревьях качается,
Тянется тысячью рук.
Вот отовсюду качанья и ропоты,
Тени, мигания, шорохи, шёпоты,
Кто-то, кто долго был мёртвым, воскрес.
Что-то, что было беззвучным, в неясности,
Стало грозящим в своей многогласности, –
Лес!

(К. Бальмонт «Лес») [1, с. 278, 279]¹

Такое обилие глаголов не случайно. Столкновение в одном контексте слов с процессуальной семантикой рисует необыкновенно динамичную, меняющуюся картину. Любопытно, что такая подвижность создаётся не только за счёт использования личных и безличных форм глагола, но и так называемых мимикрических субстантивных форм. Мы имеем в виду слова типа «шёпот», «шорох», «хохот», «качанья» и т.д. Статус подобных форм исследователями определяется по-разному. Их относят либо к именной части речи [7; 16], либо называют гибридными формами [4; 5], либо – глагольными формами [3; 8; 13]. Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой слова типа «бег», «шёпот», «шорох» относятся к формам глагола, а именно – к субстантивным формам глагола [11; 13]. Мы считаем подобные образования глагольными формами, поскольку, как справедливо замечает В.Г. Руделёв, такие слова (в нашем случае, «шептать» и «шёпот») дополнительно распределены, т.к. одна из форм не может быть субъектом высказывания, а другая не является его предикатом. Также подобные слова имеют одну и ту же лексическую основу и «ничем не отличаются лексически», кроме того, что одна из форм («шёпот») получает субстантивное оформление [10, с. 15]. Замечание о том, что глагол и субстантивная форма ничем не отличаются лексически для нас особенно важно, т.к. мы не усматриваем в формах типа «шёпот» и «шелест» значение опредмеченных действий. Для нас лексическое значение подобных слов такое же, как и лексическое значение глаголов. Разумеется, в полной мере это касается глаголов, обозначающих действие и деятельность. Сложность определения статуса подобных форм заключается в восприятии слов, которые имеют процессуальную семантику, но в то же время – форму существительного. Как отмечает А.Л. Шарандин, использующий для подобных форм наименование *деверба-*

¹ Здесь и далее текст стихотворения приводится по этому изданию.

тив, специфика лексического значения девербативов состоит в «представлении глагольного признака через форму другой части речи» [15, с. 55]. Что же касается грамматических категорий, присущих субстантивным формам глагола, то, как доказывает Е.Н. Егорова, подобным формам присущи как именные грамматические категории (род, число, падеж), так и глагольные грамматические категории (вид, залог, время). При этом именные категории носят эксплицитный характер, а глагольные категории – имплицитный [2, с. 71, 72]. То, что субстантивная форма глагола обнаруживает глагольные грамматические категории, доказывается тем, что в тексте подобные формы могут быть легко заменены на глаголы, имеющие определённый вид, залог и время.

Очень часто при рассмотрении субстантивных форм глагола в поэтических текстах, обращаются к стихотворению А.А. Фета «Шёпот, робкое дыханье...», т.к. оно прекрасно иллюстрирует то, что мимикрические формы глагола по содержанию, по лексическому значению – те же глаголы. Например, В.Г. Руделёв, анализируя это стихотворение, отмечает: «Предметов здесь нет, как нет и опредмеченных действий или чего-либо подобного этому. А что же здесь есть? Есть глагольность, т. е. процессуальная предикативность: „шёпот” – это кто-то кому-то что-то шепчет („шёпот” и „шепчет” – дополнительно распределённые, по Трубецкому, формы, следовательно, – это одна и та же лексема (и не только – по Трубецкому: вся американская лингвистика усвоила Трубецкого и благодарит его за великолепное открытие века)» [9, с. 345]. Далее В.Г. Руделёв рассуждает о том, что слова типа «шёпот», «дыханье» являются следствиями нейтрализации, смешения глагола и существительного. Подобные формы, по мнению В.Г. Руделёва, не являются ни глаголами, ни существительными. Слово «шёпот» образуется от глагола «шептать», а «дыханье» – от «дышать». Таким образом, процессуальное значение в этой строфе стихотворения А.А. Фета можно восстановить и далее [9, с. 345], то есть выявить процессуальную семантику данных форм позволяет контекст, поскольку очень легко заменить субстантивные формы глагола настоящими глаголами. На наш взгляд, это можно представить ещё нагляднее, если в стихотворении присутствуют не только мимикрические формы глагола, как у А.А. Фета, но и личные глагольные формы, когда эти они соседствуют, сосуществуют в одном контексте. Отрывок из стихотворения К. Бальмонта в данном случае является прекрасным примером. Обратимся непосредственно к тексту:

Гулко в зелёном лесу откликается,
В чащах темнеет, покуда смеркается,
Смотрит в сплетённых кустах.

В данном отрывке мы видим несколько глаголов: «откликается», «темнеет», «смеркается», «смотрит». Все эти глаголы имеют форму 3-го лица ед. числа. Однако не называется производитель действия. Если глаголы «темнеет» и «смеркается» в данном случае не вызывают вопросов (они безличные), то глаголы «откликается» и «смотрит» явно носят личный характер. Только непонятно, кто *гулко откликается в лесу* или *смотрит из густых кустов*. Хотя на самом деле из контекста всё становится ясно. Поэт не случайно употребляет такие глаголы, чтобы создать ощущение, что за кустами и ветвями притаилось нечто, что лес – живое, *разумное* существо, наблюдающее за человеком, входящим в его шумящий, шелестящий сумрак. Именно поэтому К. Бальмонт использует в данном тексте так много глаголов и так мало существительных. Глагол, как наиболее информативная часть речи, способен многое рассказать о субъекте действия, не называя его. Причём иногда из подбора глаголов становится ясно, что речь идёт об одушевлённом субъекте. Если в первой строке стихотворения ясно, что «откликаться» может эхо, то в третьей строке глагол «смотрит» относится к одушевлённому существу. И читатель, таким образом, сразу настраивается на восприятие чего-то необычного, на присутствие некоего таинственного субъекта, который, как потом окажется, даёт о себе знать с помощью различных звуков. А пока только чувствуется его взгляд, ощущается, что кто-то прячется за кустами в чаще. Может быть, это поэту лишь кажется. А далее становится слышно, как из темноты доносятся звуки:

Прячется, кажется, смутным видением
Где-то там, с шёпотом, с хохотом, с пением,
С шорохом быстрым возникнет в листьях.

Поэт слышит, как нечто притаившееся в чаще шепчет, хохочет, шуршит и, кажется, поёт. Интересно то, что звуковое восприятие выражено в данном случае субстантивными формами глагола: «шёпот», «хохот», «пение», «шорох». Однако отчетливо видно, что нет никакой лексической разницы между этими формами и соответствующими глаголами: «шептать», «хохотать», «петь», «шуршать». Например, глагол «шуршать» в словаре С.И. Ожегова объясняется через слово «шорох» [6, с. 825, 828].

Считается, что субстантивные формы глагола обозначают статичное действие, в котором практически не выражена семантика времени, а глаголы в личной форме, напротив, подчёркивают динамичное движение, происходящее во времени. Однако в контексте этого стихотворения, где личные формы глагола и мимикрические формы находятся рядом и заменяют друг друга, подобного явления не наблюдается. По крайней мере, данные формы («шёпот», «хохот», «пение», «шорох») можно без ущерба для смысла стихот-

ворения заменить соответствующими личными формами глагола: «Где-то там шепчет, хохочет, поёт, быстро шуршит в листьях». (Глагол «возникнет» в данном случае носит вспомогательный характер.) Всё это происходит в настоящем времени, одновременно с тем, что кто-то также «прячется», «смотрит», «кажется» в лесной глуши. Подтверждением такой одновременности протекания действий, выраженных глаголами и субстантивными формами глаголов, служит то, что далее в стихотворении снова используются личные формы глагола:

Лапчатой елью от взора укроется,
Встанет, и в росте внезапно удвоится,
Вспрыгнет, и с треском обломится сук.
Вырос, с вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многих деревьях качается,
Тянется тысячью рук.

Глаголы «укроется», «встанет», «удвоится», «вспрыгнет», «обломится» употреблены в форме будущего времени. Но читатель воспринимает эти действия как происходящие в настоящем. В данном случае формы будущего времени отражают события, совпадающие с моментом речи, ещё не законченные в своём временном развитии. Далее один глагол употреблён в форме прошедшего времени («вырос»), а потом снова действия выражаются глаголами в форме настоящего времени («шурша, обнимается», «качается», «тянется»). Однако читатель, не прибегая к анализу, даже не чувствует подобных грамматических изменений и воспринимает всё как протекающее в данную минуту наблюдения. Это говорит о том, что здесь будущее и прошедшее время нейтрализуются в сторону настоящего. События, протекающие в настоящем времени, выражаются глаголами в форме прошедшего и будущего времени, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть однократность и быстроту действия. Подобные формы придают тексту большую динамичность. Но было бы возможно использовать и соответствующие формы настоящего времени: «с шорохом быстрым возникает в листьях» или «лапчатой елью укрывается от взора», «встаёт, и в росте внезапно удваивается», «вспрыгивает, и с треском обламывается сук», «вырастает, с вершиной, шурша, обнимается». Мы видим, что в данном случае трансформированные нами в формы настоящего времени глаголы органично вписываются в контекст с авторскими глаголами в форме настоящего времени. И хотя трансформированные формы как бы «растягивают», замедляют время, явно проигрывая в плане художественного изображения быстроты, динамики происходящего, тем не менее, и в том, и в другом случае читатель воспринимает события как протекающие в настоящий момент. Главное здесь

– передать впечатление от происходящего, создав для читателя эффект непосредственного восприятия, а не воспоминания. Поэтому и прошедшее, и будущее время нейтрализуются в пользу настоящего. Настоящее время в данном случае как бы задаёт основной тон стихотворению.

Далее поэт снова обращается к использованию мимикрических субстантивных форм глагола:

Вот отовсюду качанья и ропоты,
Тени, мигания, шорохи, шёпоты...

В этом случае субстантивные формы «качанья», «ропоты», «мигания», «шорохи», «шёпоты» ничуть не уступают по своей экспрессии и динамике личным формам глагола. Поражает обилие использования субстантивных форм в небольшом контексте. Скорее всего, во многом это объясняется синтаксической конструкцией фразы. Но если прибегнуть к трансформации данного отрывка, то можно заменить эти мимикрические формы глаголами: «Отовсюду кто-то качается, ропщет, движутся тени, что-то мигает, шуршит, шепчет». Конечно, фраза выходит несколько другой по конструкции, она требует дополнительных слов и потому теряет свою ёмкость, краткость, не говоря уже о ритмической организации. Но смысл данного предложения не меняется. К тому же, при использовании субстантивных форм глагола, благодаря более экономной форме, повествование становится даже более подвижным, чем при употреблении глаголов.

В заключительных строках стихотворения, в которых используется личный глагол «воскрес» и вспомогательные глаголы, показывается сущность того, кто прятался от взора, того, кто смотрел, шептал, шуршал и пел из сплетённых кустов. Автор даёт возможность разгадать загадку, данную в начале стихотворения. Впрочем, загадка эта, конечно, была задана формально: читатель и так уже давно, благодаря информационным глаголам и глагольным формам, понял, что то нечто, что скрывалось от его взора, всё то, что двигалось, звучало вокруг него – это многоликий, многогласный, живущий как единое существо лес.

Кто-то, кто долго был мёртвым, воскрес.
Что-то, что было беззвучным, в неясности,
Стало грозящим в своей многогласности, –
Лес!

Таким образом, на примере небольшого отрывка из стихотворения, который, однако, обильно насыщен глаголами и мимикрическими формами глагола, можно увидеть семантическую близость субстантивных форм глагола и собственно личных глагольных форм. Несмотря на то, что

субстантивные формы, как справедливо отмечает Е.Н. Егорова, особенно близки инфинитиву [2, с. 145]. В данном контексте мы наблюдаем также тождественность субстантивных и личных форм глагола. Конечно, говоря о семантике глаголов и субстантивных форм, можно отметить некоторые нюансы различия. Например, в определённых случаях («Вот отовсюду качанья и ропоты, / Тени, мигания, шорохи, шёпоты») субстантивным формам, в отличие от глаголов, могут быть присущи некоторые особенности. Так, Е.Н. Егорова замечает, что субстантивные формы, сочетаясь с глаголами настоящего времени, «создают описательные картины, оживляют повествование, участвуют в выделении эпизода, передают авторскую оценку происходящего» [2, с. 193]. Однако это не всегда свойственно субстантивным формам, и в начале стихотворения («Прячется, кажется, смутным видением / Где-то там, с шёпотом, с пением, / С шорохом быстрым возникнет в листах») подобного эффекта не возникает.

Таким образом, можно говорить о семантической близости, а иногда и тождественности глаголов и субстантивных форм глагола. Этот отрывок из стихотворения прекрасно иллюстрирует взаимоотношения данных форм, показывая, что субстантивные формы не выражают предметного значения или опредмеченного действия, доказывая, таким образом, лексическую близость субстантивных форм глагола именно с глаголами, а не с существительными. Также нельзя не заметить тот эффект, который производит глагол как наиболее информационная часть речи. В данном случае соединение в тексте большого количества разнообразных глагольных форм служит созданию необыкновенно динамичной, экспрессивной картины, при этом выразительной и поэтической.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: Можайск-Терра, 1994. 703 с.
2. Егорова Е.Н. Девербативы как субстантивные формы глагола: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 247 с.
3. Коряковцева Е.И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. М.: Прогресс, 1998. 218 с.
4. Кубрякова Е.С. Теория номинации в словообразовании / Языковая номинация. М.: Наука, 1977. 356 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1972. 846 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 432 с.

8. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 1996. № 1. С. 83–89.

9. Руделев В.Г. Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. СПб.: САГА, 2013. С. 344–348.

10. Руделев В.Г. Существительное в русском языке: учебное пособие. Тамбов: ТГПИ, 1979. 74 с.

11. Руделев В.Г., Руделева О.А. Начальная форма слова (на материале русского глагола) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 6 (86). С. 189–193.

12. Руделев В.Г., Руделева О.А., Шарандин А.Л. Временная и видовая глагольные системы русского языка – на службе русской поэзии (М. Лермонтов «Бородино») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 94–103.

13. Шарандин А.Л. Грамматическая категоризация русского глагола и его синтаксических форм // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография / под общ. ред. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2000. С. 47–90.

14. Шарандин А.Л. К вопросу о частеречном значении имени существительного // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 9 (65). С. 112–120.

15. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола: учебное пособие. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. 209 с.

16. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

REFERENCES:

1. Bal'mont K.D. *Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 2* [Balmont K.D. Collected Works: in 2 vol. Vol. 2]. М., Mozhaisk-Terra, 1994. 703 p.

2. Egorova E.N. *Deverbativny kak substantivnyye formy glagola: dis. ... kand. filol. nauk* [Deverbatives as the Substantive Form of the Verb: Thesis ... PhD]. Тамбов, 2009. 247 p.

3. Koryakovtseva E.I. *Imena deistviya v russkom yazyke: istoriya, slovoobrazovatel'naya semantika* [The Names of Actions in the Russian Language: History, Derivational Semantics]. М., Progress, 1998. 218 p.

4. Kubryakova E.S. *Teoriya nominatsii v slovoobrazovanii* [The Theory of Nomination in Word Formation] // *Yazykovaya nominatsiya* [Language Nomination]. М., Nauka, 1977. 356 p.

5. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language. Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. М., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 p.

6. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. М., Sov.

Encyclopedia, 1972. 846 p.

7. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii: uchebnoe posobie* [Russian Syntax through Scientific Approach: Tutorial]. M., Editorial URSS, 2001. 432 p.

8. Rudelev V.G. *Dinamicheskaya teoriya chastei rechi russkogo yazyka* [Dynamic Theory of Parts of Speech of the Russian Language] // *Vestnik Tambovskogo universitetata. Seriya: Estestvennyye i tekhnicheskie nauki* [Bulletin of Tambov State Technical University. Series: Natural and Technical Sciences], 1996, no. 1, pp. 83–89.

9. Rudelev V.G. *Ideya chasterechnogo nulya kak put' sozdaniya neprotivorechivoi i real'noi teorii chastei rechi russkogo yazyka* [Part-of-Speech Idea of a Zero as a Way to Create Consistent and Real Theory of Parts of Speech in the Russian Language] // *Slovo. Slovar'. Slovesnost'. Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il'enko): materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 13–15 noyabrya 2013 g* [Word. Dictionary. Literature. Communication. Text. Syntax (on S.G. Il'enko's 90th Anniversary)]. SPb., SAGA, 2013, pp. 344–348

10. Rudelev V.G. *Sushchestvitel'noe v russkom yazyke: uchebnoe posobie* [A Noun in the Russian Language: Study Guide]. Tambov, TGPI, 1979. 74 p.

11. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. *Nachal'naya forma slova (na materiale russkogo glagola)* [Initial Word Form (on the material of Russian Verbs)] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State Technical University. Series: Humanitarian Sciences], 2010, no. 6 (86), pp. 189–193.

12. Rudelev V.G., Rudeleva O.A., Sharandin A.L. *Vremennaya i vidovaya glagol'nye sistemy russkogo yazyka – na sluzhbe russkoi poezii (M. Lermontov «Borodino»)* [Temporal and species of the verbal system of Russian language – in the service of Russian poetry (M. Lermontov “Borodino”)] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State Technical University. Series: Humanitarian Sciences], 2012, no. 2 (106), pp. 94–103.

13. Sharandin A.L. *Grammaticheskaya kategorizatsiya russkogo glagola i ego sintaksicheskikh form* [Grammatical Categorization of Russian Verbs and their Syntactic Forms] // *Modelirovanie protsessov funktsional'noi kategorizatsii glagola: kollektivnaya monografiya / pod obshch. red. N.N. Boldyreva* [Modeling of Functional Categorization of a Verb: Collective Monograph / under the General Editorship of N.N. Boldyreva]. Tambov, 2000, pp. 47–90.

14. Sharandin A.L. *K voprosu o chasterechnom znachenii imeni sushchestvitel'nogo* [To the Question of the Importance of a Noun as a Part of Speech] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State Technical University. Series Humanitarian Sciences]. 2008, no. 9 (65), pp. 112–120.

15. Sharandin A.L. *Sistemnaya kategorizatsiya russkogo glagola: uchebnoe posobie* [Systemic Categorization of Russian Verbs: Tutorial]. Tambov: TGU im. G.R Derzhavin, 2001. 209 p.

16. Shakhmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of the Russian Language]. M., Editorial URSS, 2001. 624 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серебренникова Надежда Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета; e-mail: Nadegda_korrespondensija@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Серебренникова Н.Г. Значение субстантивных форм глагола (на примере отрывка из стихотворения К. Бальмонта «Лес») // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serebrennikova Nadezhda – Candidate of Philology, Associate professor, Associate professor of the Department of Russian Philology, Tambov State Technical University; e-mail: Nadegda_korrespondensija@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Serebrennikova N.G. The Notion of the Substantive Forms of a Verb (On example of the extract from K. Balmont's Poem «Forest») // Bulletin of Moscow State Regional University (e-journal), 2016, no. 2. URL: www.evestnik-mgou.ru